

Адрей Рыбинский, дизайнер марки Pure Vinnie, приехал в Москву из Нижнего Новгорода. Именно там еще в школе он тайком шил свои первые штаны – чтобы, спустя много лет, выйти на поклон в финале показа своей коллекции на Mercedes-Benz Fashion Week Russia.

- Как начинался творческий путь дизайнера Андрея Рыбинского?

- У меня обычная семья: мама – инженер, папа – инженер, бабушка – врач, другая – тоже врач. Никто не шил. А мне в юности хотелось наряжаться, но ничего не было. И я распарывал старые вещи и шил по ним новые. Помню, мне было нужно ехать в пионерский лагерь. У меня были немецкие брюки с большими карманами. Я утащил у мамы большую сатиновую простынь, купил большую банку зеленки в аптеке и в ванной этот кусок ткани покрасил (анилиновых красителей тогда, конечно, не знал). Мама, когда пришла с работы и увидела все это, спросила "Что ты делал?", но я не сознался. И по ниточкам распорол брюки, интуитивно как-то понимая, что надо соблюдать долевую нить и прочее, сшил по ним на маминой машинке втихушку новые штаны, довольно приличные. Правда, там не было гульфика, потому что я не мог тогда сделать его правильно, на молнии, так что сшил липовый, а по бокам в пояс вставил резинки, чтобы в штаны можно было влезать. И поехал в пионерский лагерь. Танцевал в этих штанах на дискотеках, имел успех. А потом мама приехала, увидела меня в них и все поняла про зеленку. И только спросила: "Как твои ноги?" Я честно ответил: белые трусы нельзя надевать. Ноги были зеленые - и все трусы, соответственно, тоже.

И с тех пор мама стала лояльно ко мне в этом плане относиться, стала поощрять, помогала в чем-то, я уже официально шил на ее машинке.

Потом, когда я закончил 10-й класс, по мнению бабушки, должен был пойти в мединститут и становиться хирургом. Но так как у меня физика, химия, геометрия шли на двойки, в отличие от остальных предметов, я пытался бабушку переубедить. Во-первых, я от вида крови в обморок падаю, а во-вторых, химии не знаю. На что

бабушка сказала: нет, мы тебя подтянем. И мучила меня ночами, заставляла учиться, я на ходу засыпал, а она считала, что притворяюсь. А с другой стороны моя учительница истории, она сейчас в Израиле живет, договорилась, чтобы меня приняли в университет на истфак без экзаменов, только по собеседованию. Но я прекрасно понимал, что тогда буду очкариком в библиотеке, да и душа к тому не лежала. Моя мама получала прессинг с двух сторон, и, если бы тогда был жив папа, они бы за меня непременно решили. Но мама сказала, что не может давить на меня. И я пошел в техникум легкой промышленности. Бабушка потом полгода с мамой не разговаривала и говорила, что это позор.

Отучившись, я прошел обязательную практику на фабрике, что дало мне очень много. Я увидел весь производственный процесс. Сначала был учеником закройщика, потом закройщиком, а потом пошел работать в магазин к своим друзьям мерчендайзером и мастером по подгонке вещей. И вот тогда же начал делать свою одежду малюсенькими партиями и выставлять в этом же магазине.

Постепенно стали появляться клиенты, сначала по дружбе, баш на баш, потом уже и покупать стали. Постепенно я стал полноценным мастером на заказ и создал коллекцию для конкурса "Золотой подиум", это главное подобное событие в Нижнем Новгороде. И московский модельер Людмила Якушина, председатель жюри, дала мне первую премию.

Эта первая полноценная коллекция была полностью серого цвета. Там были комбинезоны, которые у меня так и остались впоследствии, облегающие с брюками со стрелками, а сверху были фартуки. И только где-то через год, наверное, стали в модных журналах появляться фартуки.

После этого конкурса меня уже заметили на городском уровне, я стал одевать ведущих и окончательно перешел к работе дизайнера в своей собственной мастерской. Мне было лет 25 тогда. Кроме того, я устроился в приличный магазин мерчендайзером и привел туда свою подругу, которая стала директором по закупкам. Мы стали ездить за границу, расширять ассортимент, работать непосредственно с фабриками в Италии. Работы становилось все больше, а я постепенно перебирался в Москву и стал все больше времени проводить в столице. Мне поставили ультиматум: или полностью посвятить себя магазину, или до свидания. Я предпочел остаться в Москве, где у меня уже была своя клиентура...

- И что послужило толчком к следующему шагу – к тому, чтобы заявить о себе, как дизайнере, на Неделях моды?

- Перед кризисом я понял, что уже пора расширяться, привлекать сторонних работников, чтобы делать одежду для продаж. К тому времени у меня были знакомые редакторы в глянцевых журналах, и я консультировался с ними, чтобы узнать, что стоит делать, на чем сосредоточиться. И мне сказали, что все показы – это всего лишь выкидывание денег, а байерам нужен шоу-рум. Все в один голос говорили, что сначала надо начать продаваться, сформировать свою аудиторию, для которой уже и будет показ. Поэтому я начал с шоу-рума на Volvo, дважды выставлялся. В первый раз все соседи по площадке смотрели просто с завистью – каждый второй посетитель выходил с пакетом. И известные люди покупали. Во второй раз нас поставили в какой-то дальний угол, и было уже приятно слышать, когда приходили гости и говорили "Слава богу, наконец-то мы вас нашли". Стали появляться разные ценные контакты, словом, все закрутилось. В третий раз уже надо было выходить с показом - и меня переманили на MBFWR. Прошло два показа – третьего не будет.

- Почему?

- Потому что это игрушки для каких-то чванливых людей, которые тешат свое самолюбие. У нас сейчас приоритет – открыть свой монобрендовый магазин. Можно спросить любого модного эксперта – и я спрашивал: "Что важнее: прийти на показ или прийти в магазин?" И все отвечали – прийти в магазин. Показ в России воспринимается как шоу, это – не показатель, люди не воспринимают показы всерьез.

Хотя, признаюсь, представители MBFWR хвалили, говорили, что, пусть у вас нет никакой театральности, но вы были заметны. Но на деле от показов мало что сдвинулось, как не было обзоров в глянцевых журналах, – так и нет. У нас ведь уделяют максимум одну страницу Неделе, и там один и тот же пресс-релиз, лицо Шумского, лицо Хромченко, звезды какие-нибудь, а дизайнерам внимание не уделено.

- Оставим в покое недели, поговорим о творчестве. В чем черпаете вдохновение?

- В разном. Вот в последней коллекции "Мулен Руж" вдохновение шло не от самих

мельниц, не от кабаре, а от одноименного фильма с Николь Кидман и Эваном МакГрегором. И там, помимо танцев кан-кан, присутствуют мужчины с брюками с лампасами, женщины в платьях с воланами... Только это все подано не напрямую, не цитатами, как у нас привыкли. У нас ведь как: если коллекция испанская, то обязательно мак в волосах, если посвященная Санкт-Петербургу, то боярыня в какой-нибудь накидке. Все очень буквально.

Помимо вдохновения и работы по его воплощению есть еще и коммерческая сторона. Скажем, была удачная модель в предыдущем сезоне, которая отлично продавалась. Магазин говорит: сделайте другую модель на такой же основе. И ты думаешь – и делаешь что-то новое. Мода для меня – в первую очередь работа, а не творчество ради творчества.

- *Никогда не хотелось сделать что-то экстремальное?*

- Ну...выше себя, наверное, не прыгнешь. Я такой человек. Когда начинал, у меня вообще был сплошной минимализм и присутствовали только три цвета: белый, черный и серый. Всегда любил точеные формы, чтобы все было строго. Но постепенно, расширяя кругозор, бывая за границей, начал привыкать к другим подходам. Я думаю, что до цвета надо дорасти, надо уметь им управлять. И, как мне кажется, его слишком много быть не должно, потому что иначе получится клумба. Когда цвет дается дозированно, это всегда очень красиво.

- *И получилось?*

- Никогда не думал, что одними из моих самых раскупаемых платьев будут красные. То есть, спустя столько времени, я научился управляться с красным цветом. Сейчас я понимаю цвет, и мне нравится с ним работать.

- *Есть среди знаменитых людей те, кого хотелось бы одеть?*

- Ройши Мерфи, Тильда Суинтон, из русских – Земфира, Рената Литвинова, Алена

Долецкая.